

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРИНЦИП УВАЖЕНИЯ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

А.М. Николаев

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В 1946 г. Нюрнбергский процесс установил правовые итоги Второй мировой войны. Грубые и массовые нарушения прав человека в Европе стали мощным стимулом к учреждению эффективных гарантий основных прав человека на региональном уровне (Совет Европы). Международно-правовые обязательства Российской Федерации, связанные с ее участием в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривают необходимость исполнения государством постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации. Правозащитные ценности, составляющие основу Конституции Российской Федерации и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, не вступают в противоречие друг с другом в силу конституционных положений, которые не могут быть противопоставлены друг другу. Реализация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора не может сопровождаться свободой усмотрения государства относительно обязывающего характера постановлений Европейского Суда по правам человека. Отношение к правовым позициям Европейского Суда по правам человека должно базироваться на принципе уважения практики межгосударственных органов по защите прав и свобод человека. Во-первых, государство, признавшее юрисдикцию межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, обязано учитывать практику этого органа по делам в отношении соответствующего государства. Во-вторых, государство не может заявлять о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, вынесенных по результатам рассмотрения индивидуальных обращений, или иным образом игнорировать взятые на себя международные обязательства. В то же время, допуская возможность вмешательства государства в осуществление тех или иных прав и свобод, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод предусматривает наличие у государства определенной свободы регулирования прав и свобод человека. Эволюция Европейского Суда по правам человека как института международной защиты прав и свобод человека должна базироваться на признании государствами-членами Совета Европы принципа уважения практики Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс; Устав Международного военного трибунала; права человека; межгосударственный орган по защите прав и свобод человека; Устав Совета Европы; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; Европейский Суд по правам человека; исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека; Конституционный Суд Российской Федерации; принцип уважения практики Европейского Суда по правам человека

Историко-правовая характеристика Нюрнбергского процесса

Семьдесят лет назад, в октябре 1946 г., был провозглашен Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге, в соответствии с которым неко-

торые высокопоставленные государственные деятели и партийные функционеры нацистской Германии были казнены, другие — приговорены к различным срокам лишения свободы, третьи — признаны невиновными в инкриминируемых деяниях.

Важно подчеркнуть, что принятие решения об организации данного судебного процесса означало победу юридических доводов над политическими. Нюрнбергский процесс мог не состояться, если бы после окончания войны была осуществлена идея казнить нацистов за совершенные ими зверства без какого-либо судебного разбирательства. В частности, министр финансов США Г. Моргентау предлагал радикальный план действий по отношению к послевоенной Германии: полное экономическое разоружение, «пасторализация» страны, быстрый расстрел главных военных преступников после их идентификации [1. С. 106], превращение территории Германии в большое картофельное поле [2. С. 15]. Альтернативное предложение высказал министр обороны США Г. Стимсон, настаивавший на необходимости проведения судебного процесса, на котором нацистские лидеры были бы обвинены в нарушении «законов войны, совершении бессмысленных и беспричинных жестокостей, связанных с ведением боевых действий» [3. С. 9]. Сторонниками судебного процесса приводились разумные доводы о том, что судопроизводство должно основываться на нормах международного права, носить беспристрастный характер и не быть политическим [1. С. 107].

Общее понимание союзников по антигитлеровской коалиции в необходимости суда над нацистами, занимавшими высокие посты в государстве и принимавшими стратегические решения, во многом сформировалось под влиянием точки зрения Советского Союза. Политические принципы обращения с побежденной Германией, разработанные советской стороной, были сформулированы в проекте декларации «О политическом режиме в Германии», подготовленном в июле 1945 г. В декларации отмечалось, что нельзя отождествлять германский народ с гитлеровской кликой и проводить по отношению к нему политику мести, национального унижения и гнета. На Потсдамской (Берлинской) конференции глав правительств СССР, США и Англии, которая проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г., было решено предать военных преступников «скорому и справедливому суду» [4. С. 262–263].

Согласованное решение о проведении судебного процесса с соблюдением процессуальных норм объясняет разработку Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси¹. Данный документ был подготовлен в соответствии с Соглашением СССР, США, Великобритании и Франции от 8 августа 1945 года. В статье 6 Устава Международного военного трибунала (далее — МВТ, Нюрнбергский трибунал) перечисляются преступления, подлежащие юрисдикции МВТ и влеку-

---

¹ Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 3. М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1997. С. 763–770.

щие индивидуальную ответственность: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, МВТ, признавая индивидуальную вину подсудимых, получил возможность признать, что та или иная группа, членом которой являлся подсудимый, была преступной организацией (ст. 9 Устава МВТ). Это открыло возможность последующего привлечения лиц к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к подобной организации [5. С. 33], при этом преступный характер группы считается доказанным и не подлежит оспариванию (ст. 10 Устава МВТ).

Необходимо признать, что статья 16 Устава МВТ гарантировала процессуальные права подсудимых, что также подтверждает доминирование юридического начала в деятельности МВТ. В частности, предусматривалось, что в обвинительный акт включаются все подробности, детально излагающие обвинение против подсудимого; процессуальные документы, переведенные на язык, который понимает подсудимый, передаются ему заблаговременно до начала суда; подсудимый имеет право давать любые объяснения по обстоятельствам выдвинутых против него обвинений; предварительный допрос подсудимого и судебное заседание будут вестись или переводиться на язык, который подсудимый понимает; подсудимый имеет право защищаться на суде лично или при помощи защитника; подсудимый имеет право лично или через защитника представлять на суде доказательства в свою защиту и подвергаться перекрестному допросу любого свидетеля, вызванного обвинением. Таким образом, можно сделать вывод о том, что процессуальные права подсудимых на Нюрнбергском процессе оказались созвучны тем положениям о праве на справедливое судебное разбирательство, которые позднее появились в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод² (далее — Европейская конвенция). Кроме того, в статье 18 Устава МВТ мы фактически видим предписание в адрес МВТ провести судебное разбирательство в разумный срок: МВТ должен строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением, а также принимать строгие меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса, исключать какие бы то ни было не относящиеся к делу вопросы и заявления.

В статье 8 Устава МВТ было закреплено, что тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания. Несмотря на это, подсудимые на Нюрнбергском процессе утверждали, что они выполняли приказы вышестоящих лиц. Показателен пример В. Кейтеля, который не только не оспаривал полученные им и доведенные до подчиненных приказы, но и заявил о собственной гордости за продемонстриро-

---

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

ванную лояльность к фюреру, «в лучших традициях прусского солдата» [6. Р. 184].

Статья 19 Устава МВТ устанавливает, что МВТ не должен быть связан формальностями в использовании доказательств и вправе допускать любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу. На наш взгляд, характеристика Нюрнбергского процесса как судебного разбирательства обусловлена и использовавшейся доказательственной базой (устные и письменные показания свидетелей, устные и письменные показания и объяснения подсудимых, документы, вещественные доказательства). Так, А.Г. Звягинцев отмечает, что в качестве документов были представлены: официальные правительственные документы, личные письма и заявления, дневники и мемуары, записи публичных выступлений, записи бесед, газетные и журнальные статьи, книги, географические карты, схемы, планы, кинокартины и фотографии, приговоры судебных органов. Кроме того, применялась судебно-психиатрическая и судебно-медицинская экспертиза [2. С. 42–43].

Безусловно, невозможно не заметить определенную политическую составляющую Нюрнбергского процесса. Как отмечает Н.С. Лебедева, советское общественное мнение не удовлетворилось бы простым расстрелом гитлеровских главарей, поскольку военную победу необходимо было довершить политическим разгромом фашизма в открытом судебном процессе [7. С. 144]. Однако выяснение политических отношений не вышло на первый план в зале Нюрнбергского трибунала. Более того, огромная доказательная база этого и не требовала.

Принципиально важным является то обстоятельство, что результаты Нюрнбергского процесса не были основаны на сложных политических отношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, в которых начинали проявляться признаки напряженности и будущей «холодной войны». Представители обвинения не позволили подсудимым и их адвокатам превратить Нюрнбергский процесс в «спор между акционерными компаниями, из которых одна потерпела крах, но все же считает, что во взаимных расчетах, вызванных прежними отношениями, должен действовать принцип смешанной ответственности» [8. С. 70]. В результате единой позиции обвинения удалось избежать конфликта между советской и западными делегациями, а также попыток обсуждения некоторых неоднозначных действий государств, учредивших МВТ. Как заявил американский обвинитель Р. Джексон, «если, организовав процесс, мы начнем входить в обсуждение вопроса о политических и экономических причинах этой войны, то он может причинить определенный вред как Европе, так и Америке» [8. С. 408].

Международно-правовое значение Нюрнбергского процесса и его влияние на становление международной защиты прав человека

Международно-правовое значение деятельности МВТ, как указывает А.Ю. Скуратова, заключается в двух аспектах. Во-первых, создание и деятельность МВТ имели существенное значение для последующего развития органов международной уголовной юстиции. Во-вторых, на международно-правовом уровне

в рамках одного документа были квалифицированы в качестве преступных такие деяния, как агрессия, военные преступления, преступления против человечности [9. С. 83].

Также Нюрнбергский процесс имеет важнейшее значение с точки зрения неотвратимости наказания преступников в рамках международного правосудия. Как отметил А.И. Полторак, «впервые закон настиг людей, которые, приобретя огромную власть, использовали ее самым преступным образом во вред человечеству... Хорошо известна комедия, которую разыграла Антанта в 1918 г., на словах вознамерившаяся судить Вильгельма II, а на деле давшая ему возможность бежать в Голландию и прожить там в роскоши двадцать лет, как раз до той поры, когда Гитлер разгромил Францию» [8. С. 51].

Представляется, что МВТ непосредственно не может быть отнесен к межгосударственным органам по защите прав и свобод человека, функционирующим на постоянной основе. Вместе с тем трудно переоценить влияние правовых основ и итогов Нюрнбергского процесса на развитие международного права прав человека. По существу, речь идет о таком международном регулировании прав человека, целью которого является обеспечение гуманности, справедливости и безопасности каждому гражданину, а также защиту от военных преступлений и преступлений против человечности, которые в период Второй мировой войны изначально были нацелены на систематические, массовые и грубые нарушения прав и свобод человека [10. С. 23].

Масштабность нарушений прав человека со стороны гитлеровского режима была очень убедительно отражена в документах МВТ. Одновременно подчеркивалась беспрецедентность данного судебного разбирательства. В частности, Главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко заявил, что это был первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений [2. С. 18]. Очевидно, что многочисленные документальные свидетельства нарушения фундаментальных прав и свобод человека послужили дополнительным мотивом в пользу создания системы международной защиты прав человека.

После самой ужасной войны в истории человечества безопасность мирового сообщества потребовала создания международных организаций, наделенных контрольными функциями, в том числе и в сфере прав и свобод человека [11. С. 138]. Следовательно, возникла необходимость добровольной передачи государствами части своих полномочий в сфере правового статуса личности «в коллективное пользование» в интересах всего человечества.

Острое понимание разрушительных последствий Второй мировой войны и стремление не допустить в будущем подобных мировых катастроф объясняют создание Организации Объединенных Наций, а также появление впоследствии универсальных международных договоров, направленных на защиту основных прав и свобод человека [12. С. 59–60]. Эта направленность проявилась в Уставе ООН 1945 г., с принятием которого стало развиваться широкое сотрудничество государств в сфере прав человека [13. С. 10]. Так, уже в преамбуле подчеркивается решимость «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинст-

во и ценность человеческой личности, в равноправии мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций». В пункте 3 ст. 1 Устава ООН говорится о том, что одной из целей созданной организации является «международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». В главе IX Устава ООН, посвященной международному экономическому и социальному сотрудничеству, указывается на обязанность членов ООН предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с ООН, которая призвана содействовать, кроме прочего, «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (статьи 55, 56)³.

Отсылка к Уставу ООН содержится в преамбуле Всеобщей декларации прав человека 1948 г., принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН и провозгласившей основные гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права и свободы⁴.

Подобно тому, как характер и последствия войны повлияли на становление ООН, грубые и массовые нарушения прав человека в завоеванной нацистами Европе стали для послевоенной европейской общественности мощным стимулом к учреждению эффективных гарантий основных прав человека на региональном уровне. Несмотря на все различия исторических, национальных, культурных, религиозных традиций между отдельными государствами, можно говорить о том, что европейское сотрудничество в области прав и свобод человека, координатором которого во многом является Совет Европы, характеризуется вполне осязаемыми признаками, обладает определенными достижениями и постоянно развивается с целью увеличения эффективности существующих гарантий прав и свобод личности. Желание подчеркнуть значимость соблюдения прав и свобод человека и гражданина объясняется той послевоенной эпохой, когда зарождался Совет Европы.

В Уставе Совета Европы, подписанном 5 мая 1949 г., закреплён принцип уважения прав человека и верховенства права. Уже в преамбуле Устава Совета Европы присутствует указание на приверженность государств-участников тем «духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства Права, лежащих в основе любой истинной демократии»⁵.

---

³ Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 1. М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1996. С. 7–33.

⁴ Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 2. М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1997. С. 5–10.

⁵ Устав Совета Европы (Лондон, 5 мая 1949 года) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1390.

Целью данной международной организации является решение триединой задачи: политической — защищать и укреплять демократию, права и свободы человека, верховенство закона в Европе; культурной — приумножать общее европейское достояние, культурное наследие; социальной — обеспечить реализацию основных потребностей, социально-экономических прав граждан [14. С. 426].

В настоящее время правозащитная деятельность Совета Европы не может не оказывать влияния на развитие российского законодательства и правоприменительной практики. Очевидно, что обеспечение соответствия законодательства и правоприменительной практики стандартам Совета Европы необходимо для эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина на национальном уровне. При этом первоочередное значение имеет часть 1 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой в РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. Указанное положение, рассматриваемое в системной взаимосвязи с частями 1 и 4 ст. 15 Конституции РФ (о высшей юридической силе Конституции РФ и приоритете в применении правил международного договора РФ по отношению к закону), стимулирует государство обеспечивать права и свободы личности на уровне международных стандартов. Важно понимать, что какое-либо противопоставление различных положений Конституции РФ друг другу невозможно. Значимость конституционных положений заключается в том, что они закрепляют основные ценности и принципы государства [15. С. 196].

В части 3 ст. 46 Конституции РФ содержится право каждого в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Очевидно, что реализация данного субъективного права может быть связана как с обращениями в универсальные, так и в региональные межгосударственные органы по защите прав и свобод человека [16. С. 266–267].

Международно-правовые обязательства Российской Федерации по исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека

Международно-правовые обязательства Российской Федерации, связанные с ее участием в Европейской конвенции, предусматривают необходимость исполнения государством постановлений Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд), вынесенных в отношении Российской Федерации. Ст. 46 Европейской конвенции закрепляет обязанность государств по исполнению окончательных постановлений Европейского Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами. Постановление Европейского Суда, констатирующее факт нарушения Европейской конвенции государством-ответчиком, порождает у последнего обязанность прекратить нарушение и возместить ущерб от его последствий таким образом, чтобы по возможности восстановить ситуацию, которая была до нарушения. Одновременно государства-ответчики в принципе свободны в выборе средств восстановления нарушенных прав и сво-

бод заявителя при условии, что выбранные государством средства совместимы с постановлением Европейского Суда. При этом важно подчеркнуть, что исполнение постановлений Европейского Суда не сводится к уплате денежной компенсации.

В рамках процедуры исполнения постановлений Европейского Суда государства-ответчики должны осуществлять меры индивидуального и общего характера [17. С. 8]. Так, в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 говорится о мерах частного и общего характера по исполнению постановлений Европейского Суда⁶. Меры частного характера имеют своей целью устранение нарушений прав человека, предусмотренных Европейской конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя (например, пересмотр дела на национальном уровне), а меры общего характера — предупреждение повторения подобных нарушений в будущем. Значение мер общего характера, по нашему мнению, заключается в том, что принятие государством эффективных мер на национальном уровне позволяет предотвратить аналогичные нарушения Европейской конвенции и избавить государство от участия в процедуре Европейского Суда в качестве ответчика по делам данной категории.

Выполнение мер общего и индивидуального характера государства осуществляют под надзором Комитета министров Совета Европы (далее — Комитет министров). Следуя сложившейся практике надзора за исполнением постановлений Европейского Суда, Комитет министров не принимает итоговой резолюции об исполнении постановления до тех пор, пока государство-ответчик не выполнит всех необходимых действий. В период наблюдения за исполнением постановлений Комитет министров вправе принимать промежуточные резолюции, которые содержат информацию о тех мерах, которые уже были предприняты государством, а также могут обозначать стратегию государства по исполнению постановления, предложения Комитета министров относительно выполнения конкретных действий и др.

Резолюции Комитета министров формально не являются для государств-ответчиков обязательными, в отличие от положений Европейской конвенции. Деятельность Комитета министров не должна становиться механизмом принуждения государства к совершению тех или иных действий, но имеет своей целью найти наиболее эффективные формы исполнения постановлений Европейского Суда.

Представляется, что резолюции Комитета министров являются основанием для действий государства по применению мер юридической ответственности на внутригосударственном уровне к органам публичной власти или должностным

---

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

лицам, виновным в неисполнении или ненадлежащем исполнении решений Европейского Суда. Важно понимать, что процедура исполнения решений Европейского Суда относится к случаям установления нарушений Европейской конвенции со стороны соответствующего государства. Следовательно, на наш взгляд, государство не может игнорировать выводы, сделанные в решении Европейского Суда относительно вины государства за несоблюдение международного договора.

В связи с этим необходимо отметить, что при значительном количестве постановлений Европейского Суда, в которых констатируется нарушение Российской Федерацией прав и свобод заявителей, трудно переоценить роль государства в полноценном исполнении окончательных постановлений Европейского Суда.

По нашему мнению, в случае предоставления Конституцией РФ большего гарантирования прав и свобод, чем это происходит в соответствии с Европейской конвенцией, должна обеспечиваться конституционно-правовая защита прав и свобод личности на национальном уровне. В этом случае обеспечение реализации положений Конституции РФ в рамках процесса исполнения постановлений Европейского Суда предполагает «поглощение» гарантий, предусмотренных Европейской конвенцией и правовыми позициями Европейского Суда. Таким образом, конституционные положения, базирующиеся на европейских стандартах, придают последним дополнительный объем. Вместе с тем необходимо регулировать и обратный процесс. Если Конституция РФ предусматривает меньший объем гарантий прав и свобод личности, чем определен в правовых позициях Европейского Суда, то для реализации Европейской конвенции в России решающее значение будет иметь точка зрения Конституционного Суда РФ (далее — Конституционный Суд), способного посредством толкования Конституции РФ определить пути разрешения коллизий толкования национального и международного права.

Конституционный Суд в Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П обратил внимание на то, что окончательное постановление Европейского Суда, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны РФ его прав, признанных Европейской конвенцией или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию, подлежит исполнению⁷.

---

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Официальный сайт Конституционного Суда. Режим доступа: <http://www.ksrf.ru> Дата обращения: 31.08.2016.

В другом деле⁸ Конституционный Суд отметил, что конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Европейской конвенции правовое обязательство, избираются, по общему правилу, самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда. Также Конституционный Суд признал, что Европейская конвенция и основанные на ней правовые позиции Европейского Суда не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и подлежат реализации только при условии признания высшей юридической силы Конституции Российской Федерации. Следовательно, по мнению Конституционного Суда, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации.

Как было сказано выше, правозащитные ценности, составляющие основу Конституции Российской Федерации и Европейской конвенции, не вступают в противоречие друг с другом в силу конституционных положений, которые не могут быть противопоставлены друг другу. В связи с этим Конституционный Суд в рассматриваемом деле справедливо заметил, что речь может идти о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским Судом в постановлении по конкретному делу, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании органами конституционного контроля.

В 2015 г. в РФ получил правовую регламентацию порядок рассмотрения Конституционным Судом дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Важно понимать, что федеральный законодатель непосредственно допустил в качестве одного из вариантов принятие Конституционным Судом постановления о невозможности исполнения в целом или в части «в соответствии с Конституцией РФ» решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека⁹. В 2016 г. Кон-

---

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Официальный сайт Конституционного Суда. Режим доступа: [http:// www.ksrf.ru](http://www.ksrf.ru) Дата обращения: 31.08.2016.

⁹ Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

ституционный Суд рассмотрел вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России»¹⁰. В результате Конституционный Суд постановил, что исполнение указанного постановления Европейского Суда невозможно в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в российское законодательство, которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда. При этом Конституционный Суд сослался на то, что предписание части 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации со всей определенностью означает императивный запрет, согласно которому не имеют избирательных прав без каких бы то ни было изъятий все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы.

Заслуживает внимания высказанное по данному делу особое мнение судьи Конституционного Суда С.М. Казанцева, который полагает, что если Конституция Российской Федерации (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом) менее полно по сравнению с соответствующими положениями Европейской конвенции в их истолковании Европейским Судом обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации), Российская Федерация должна отдавать предпочтение требованиям Европейской конвенции и тем самым следовать буквально постановлению Европейского Суда. По нашему мнению, такой подход является обоснованным с точки зрения установления максимальных гарантий прав и свобод человека и гражданина с учетом соотношения национального и международно-правового регулирования.

Судья Конституционного Суда В.Г. Ярославцев в своем особом мнении отмечает, что Конституция Российской Федерации однозначно фиксирует, какие категории граждан не вправе избирать или быть избранными, однако состав этих категорий (наполнение и конкретизация конституционного запрета) в любом случае в окончательном виде определяется федеральным законодателем, так как именно он на основании конституционных положений устанавливает в отраслевом законодательстве, что из себя представляет лишение свободы как вид уголовного наказания. Кроме того, следует признать абсолютно уместным обращение судьи Конституционного Суда В.Г. Ярославцева к опыту Федерального конституционного суда ФРГ по определению соотношения Конституции ФРГ (Основного закона) и Европейской конвенции как международного договора. Основной закон поощряет осуществление государственного суверенитета в рамках международного договорного права, а также международное сотруд-

---

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда. Режим доступа: [http:// www.ksrf.ru](http://www.ksrf.ru) Дата обращения: 31.08.2016.

ничество и уважение общих правил международного права. Исходя из этого Основной закон следует интерпретировать, по возможности, таким образом, чтобы не возникал конфликт с международно-правовыми обязательствами ФРГ.

Глубокий и вдумчивый анализ проблем исполнения постановления Европейского Суда по делу «Анчугов и Гладков против России» и допустимости запроса Министерства юстиции Российской Федерации (далее — Минюст) о возможности исполнения данного постановления Европейского Суда представлен в мнении судьи Конституционного Суда К.В. Арановского по рассматриваемому делу. По мнению К.В. Арановского, из мотивов, которыми руководствовался Европейский Суд, российский Минюст вывел обязывающее для государства предписание мер общего характера, причем более решительно, чем это сделал сам Европейский Суд. Дело в том, что Европейский Суд в своем постановлении по делу «Анчугов и Гладков против России» (пункт 111) предложил государству-ответчику «рассмотреть все возможные пути» решения вопроса, но никоим образом не потребовал пересмотра Конституции Российской Федерации и не мог этого сделать. Необходимо согласиться с К.В. Арановским в том, что участие государства в Европейской конвенции обязывает предполагать обоснованность постановлений Европейского Суда. В качестве общего вывода утверждается, что обязанность уважать несколько отличается от обязанности исполнить предписанное, а когда предписание отсутствует, то нет и обязанности его исполнить.

В современных условиях обеспечение прав и свобод человека и гражданина невозможно без международно-правового регулирования, в том числе со стороны Европейской конвенции, обогащенной правовыми позициями Европейского Суда. По нашему мнению, реализация Европейской конвенции как международного договора не может сопровождаться свободой усмотрения государства относительно обязывающего характера постановлений Европейского Суда. Допуская иные варианты отношения государства к собственным международным обязательствам, неизбежно придется сталкиваться с «избирательностью» исполнения решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека. Причины этого вполне могут лежать в политической плоскости [18. С. 25–26].

Механизм реализации Европейской конвенции в Российской Федерации интегрируется в механизм реализации Конституции Российской Федерации в части правового регулирования прав и свобод человека и гражданина. Объектом рассматриваемых правоотношений является добросовестное выполнение международных обязательств Российской Федерации посредством реализации положений Европейской конвенции в национальной правовой системе в неразрывной связи с положениями Конституции Российской Федерации [19. С. 61].

Становление демократического, правового, социального, светского государства, в котором власть организована и функционирует на базе принципа разделения властей, невозможно без укоренения в общественном сознании понимания ценности прав и свобод человека и гражданина, а также без осознания того, что попытка расплатиться своей возможностью реализовать отдельные

права и свободы за стабильность, безопасность, устойчивое развитие, обеспечение государственного суверенитета и т.п., а равно как и размен личных и политических прав и свобод на социально-экономические, влекут за собой отход от демократического режима.

Заметную роль в деле реализации Европейской конвенции играют установки правосознания, связанные с пониманием положений Европейской конвенции, отношением к ним со стороны органов государственной власти Российской Федерации, гражданского общества, индивидов. Например, важное значение имеют разъяснения, включенные в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21, в котором, кроме прочего, говорится: содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Европейской конвенции и Протоколов к ней¹¹.

При ратификации Европейской конвенции Россия сделала заявление о признании юрисдикции Европейского Суда обязательной по вопросам применения и толкования Европейской конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией этих договоров, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации. В связи с этим представляется юридически невозможным «освобождение» Российской Федерации от юрисдикции Европейского Суда без денонсации Европейской конвенции и без выхода из Совета Европы. Необходимо подчеркнуть, что государства-участники Европейской конвенции обязуются исполнять окончательные постановления Европейского Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами. Не возникает сомнений в том, что государства, присоединившиеся к Европейской конвенции, сделали этот шаг добровольно и тем самым взяли на себя соответствующие международные обязательства в области прав и свобод человека и гражданина. По нашему мнению, в данном случае нельзя говорить о каком-либо посягательстве на государственный суверенитет. Сам принцип государственного суверенитета не может рассматриваться как принцип вседозволенности действий государства на национальном уровне и не может служить оправданием для отступления от принципов демократического и правового государства [20. С. 40].

Возможные попытки обоснования факультативности решений Европейского Суда не поддерживаются положениями Конституции Российской Федерации (статья 2, часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17, часть 3 статьи 46 и др.). Конституционные характеристики государства и регламентация прав и свобод человека и гражданина корреспондируют Уставу Совета Европы, положениям Европейской конвенции и практике Европейского Суда. Таким образом, существуют

---

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

предпосылки для того, чтобы на национальном уровне обеспечивать защиту прав и свобод личности, не дожидаясь решений Европейского Суда, иногда вызывающих весьма болезненную реакцию.

На наш взгляд, отношение к правовым позициям Европейского Суда должно базироваться на принципе уважения практики межгосударственных органов по защите прав и свобод человека. Данный принцип может быть назван специальным (отраслевым) принципом международного права прав человека [21. С. 10; 22. С. 133]. Представляется, что доктринальное обоснование данного принципа может развиваться как минимум по двум главным направлениям. Во-первых, государство, признавшее юрисдикцию межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, обязано учитывать практику этого органа по делам в отношении соответствующего государства. Во-вторых, государство не может заявлять (в законах, актах конституционного правосудия и т.д.) о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (в том числе в одном или нескольких исключительных случаях), вынесенных по результатам рассмотрения индивидуальных обращений, или иным образом игнорировать взятые на себя международные обязательства. Органы государственной власти не могут превратиться в апелляционные инстанции по отношению к межгосударственным органам по защите прав и свобод человека. В случае подобного превращения теряется смысл подачи индивидуальных обращений в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, обесцениваются международно-правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, появляется соблазн пересмотреть на внутригосударственном уровне решения международных судов. В частности, национальный орган конституционного правосудия не может приобрести статус «Самой Большой Палаты Европейского Суда».

Одновременно самому Европейскому Суду жизненно важно поддерживать высокий стандарт качества выносимых постановлений. Допуская возможность вмешательства государства в осуществление тех или иных прав и свобод, Европейская конвенция предусматривает наличие у государства определенной свободы регулирования прав и свобод, гарантированных Европейской конвенцией. Эта свобода относится как к законодательной власти, так и к правоприменительным органам государства, однако пределы усмотрения государств в регулировании прав и свобод человека и гражданина не являются неограниченными. Зеркальным отображением данного правила должно быть осуществляемое Европейским Судом в порядке самоцензуры установление пределов т.н. «судейского активизма». Это обусловлено тем, что невозможно резко опередить время и установить такие стандарты в сфере прав и свобод человека, по поводу которых не сложилось хотя бы базового консенсуса между государствами-членами Совета Европы. При увеличении числа подобных проявлений в практике Европейского Суда государства-ответчики, признанные виновными, будут невольно поощряться к неисполнению вступивших в силу постановлений Европейского Суда, а также систематическому поиску национальной идентичности, противопоставляя ее международному сотрудничеству. В то же время недопус-

тимой будет и ситуация отступления Европейского Суда от существующих правовых позиций в угоду отдельным государствам, так как правовые позиции межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, по нашему мнению, должны быть в определенной мере камертоном для национального права. В то же время, как обоснованно заметил В.А. Карташкин, практически все международные нормы по правам человека, закрепляющие перечень основных прав и свобод личности, были в свое время заимствованы из права государств [23. С. 115]. Таким образом, в диалоге государств и межгосударственных органов по защите прав и свобод человека речь должна идти о согласованном механизме взаимодействия и взаимовлияния национального и международного права [24. С. 69].

Приговор МВТ, заседавшего в Нюрнберге, был окончательным и не подлежал какому-либо пересмотру (статья 26 Устава МВТ). По нашему мнению, таким же статусом должны обладать решения межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, в том числе постановления Европейского Суда. Однако проблема состоит в том, что спустя много лет после окончания Нюрнбергского процесса его итоги были поставлены под сомнение Европейским Судом при рассмотрении дела «Кононов (Kononov) против Латвии»¹².

Заявитель по данному делу во время Второй мировой войны был партизаном, воевал с немецко-фашистскими захватчиками на территории оккупированной ими Латвийской ССР. После восстановления независимости Латвии заявитель был осужден латвийскими судами за совершение военных преступлений в 1944 г., что, по мнению заявителя, явилось нарушением статьи 7 Европейской конвенции («Наказание исключительно на основании закона»). Заявитель был осужден за участие в санкционированной партизанским трибуналом акции возмездия в отношении пособников гитлеровцев, которые ранее выдали немцам группу партизан. Палата Европейского Суда в постановлении от 24 июля 2008 г. признала нарушение требований статьи 7 Европейской конвенции. Заявитель не мог с достаточными основаниями предвидеть, что его действия в мае 1944 г. являлись военным преступлением по действовавшим в то время законам войны. Следовательно, не было веских международно-правовых оснований признавать его виновным в совершении такого преступления. Как указал Европейский Суд, латвийское законодательство также не могло служить основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора, так как истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные в 1944 г. Однако в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 17 мая 2010 г. был сделан противоположный вывод: по делу властями государства-ответчика не было допущено нарушения статьи 7 Европейской конвенции. По

---

¹² Постановление Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Кононов (Kononov) против Латвии» от 24 июля 2008 г.; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии» от 17 мая 2010 г. // Официальный сайт Европейского Суда. Режим доступа: <http://www.echr.coe.int> Дата обращения: 31.08.2016.

мнению Европейского Суда, в 1944 г. существовало понятие «военного преступления». Следовательно, когда партизаны в ходе акции возмездия жестоко обращались с жителями деревни, ранили и убивали их, они совершали военные преступления, которые были с достаточной степенью доступности и предсказуемости определены законами и обычаями войны. Кроме того, сроки давности привлечения к уголовной ответственности не могут быть применены к действиям заявителя. Европейский Суд указал, что никакие положения национального законодательства о сроке давности не применяются в обстоятельствах дела и ни на какие обвинения, выдвинутые против заявителя, не распространяется срок давности согласно международному праву.

Комплексный юридический анализ постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кононов против Латвии» представлен в заключительном документе круглого стола, состоявшегося на базе кафедры международного права Российского университета дружбы народов 28 января 2011 г. [25. С. 32]. В частности, справедливым является замечание о том, что юрисдикция Нюрнбергского трибунала охватывала исключительно военных преступников стран оси и не распространялась на представителей антигитлеровской коалиции. В связи с этим трудно согласиться с выводом Европейского Суда о том, что деяния, признанные преступными Уставом и Приговором МВТ применительно к представителям стран оси, являются преступными и также подлежат наказанию в случае их совершения представителями антигитлеровской коалиции. Необходимо обратить внимание на то, что подсудимые на Нюрнбергском процессе занимали высокие государственные и военные должности при гитлеровском режиме и лично не участвовали в казнях и пытках, не совершали карательных акций, не уничтожали тысячи городов. Однако в этом и заключалась, как было сказано выше, специфика Нюрнбергского процесса: все совершенные преступления были совершены с использованием государства, стали следствием развязанной диктаторским нацистским режимом агрессивной войны. Как известно, Нюрнбергский трибунал признал преступными организациями руководящий состав Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), охранные отряды НСДАП (СС), службу безопасности (СД) и государственную тайную полицию (гестапо) [26. С. 137]. Следовательно, возникает вопрос: на каком правовом основании положения Устава МВТ должны быть распространены на заявителя, в годы войны противостоявшего нацизму? Неужели судьи Европейского Суда приравнивали партизана Василия Кононова к лицам и преступным организациям, осужденным в Нюрнберге?

Заслуживают внимания аргументы, изложенные в особом мнении судей Европейского Суда (постановление Большой Палаты от 17 мая 2010 г.), на что обратил внимание Б. Бауринг [27. С. 79]. Принципиально важным является то обстоятельство, что международное право достаточно четко установило правила ведения войны уже после событий 1944 г., рассмотренных в деле «Кононов против Латвии». Именно по итогам Нюрнбергского процесса были сформулированы «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Результаты Нюрнбергского процесса не означают, что определению военных пре-

ступлений и санкциям за их совершение можно для целей статьи 7 Европейской конвенции придать обратную силу и распространить их на все преступления, совершенные в период Второй мировой войны.

Заключительные замечания

По нашему мнению, сегодня невозможно придание каких-либо иных смыслов и иного толкования материалам Нюрнбергского процесса, отличающихся от тех выводов, к которым пришел МВТ. Нацистский режим и его лидеры получили заслуженное наказание [28. С. 101]. Правовое регулирование создания и деятельности МВТ являются частью истории международного права. В связи с этим необходимо отметить, что фальсификация истории права может повлечь за собой новые ошибки, в том числе судебные, отрицательно отразиться на эффективности существующих международных судов и трибуналов, межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, создать непреодолимые препятствия для полноценной реализации норм международного права в правовой системе государства. Попытки государств решить существующие между ними противоречия с использованием межгосударственных органов по защите прав и свобод человека рано или поздно приведут к абсолютной дискредитации последних и в итоге к торжеству исключительно внутригосударственных гарантий прав и свобод человека. В свою очередь, межгосударственные органы по защите прав свобод человека должны ориентироваться на результаты предшествующего развития и формулировать правовые позиции, основанные на достигнутом консенсусе между государствами. Таким образом, эволюция Европейского Суда как института международной защиты прав и свобод человека должна базироваться на признании государствами — членами Совета Европы принципа уважения практики Европейского Суда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Мяжков М.Ю.* Вопрос о наказании нацистских военных преступников в дискуссиях лидеров антигитлеровской коалиции // Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 103–111.
- [2] *Звягинцев А.Г.* Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 656 с.
- [3] *Голденсон Л.* Нюрнбергские интервью. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
- [4] *Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С.* История международных отношений и внешней политики России (1648–2005) / под ред. А.С. Протопопова.-2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2008. 399 с.
- [5] *Блищенко В.И.* Россия и Прибалтика: поиски исторической правды // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2015. № 4 (303). С. 28–43.
- [6] *Owen J.* Nuremberg: Evil on Trial. London; Headline Review, 2006. 376 p.
- [7] *Лебедева Н.С.* СССР и Нюрнбергский процесс // Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 139–165.
- [8] *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог / под ред. А.А. Беркова, В.Д. Ежова. М.: Юрид. лит., 1983. 416 с.
- [9] *Скуратова А.Ю.* Международные преступления: современные проблемы квалификации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 160 с.

- [10] *Лисицын-Светланов А.Г., Ледах И.А.* Нюрнбергский процесс и защита прав человека // Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. М., ИВИ РАН, 2007. С. 22–37.
- [11] *Конева А.Е.* Договорные органы по правам человека: проблемы и перспективы // Право и управление. XXI век. 2014. № 1 (30). С. 138–143.
- [12] *Меццеракова О.М.* Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика // Государство и право. 2014. № 8. С. 59–64.
- [13] *Карташкин В.А.* Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 176 с.
- [14] *Глотов С.А.* Право Европейского Союза в редакции Лиссабонского договора. Брянск: Брянское СРП ВОГ, 2012. 592 с.
- [15] *Солнцев А.М.* Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 4. С. 196–199.
- [16] Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / Науч. ред. Ю.И. Скуратов. М.: Статут, 2013. 688 с.
- [17] *Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С.* 10 лет участия России в Конвенции Совета Европы по правам человека: значение для российского законодательства и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 12. С. 6–14.
- [18] Россия и Совет Европы: история, современность и перспективы взаимодействия правовых систем: научно-практическое пособие / отв. ред. П.С. Барышников, К.А. Цай; науч. ред. Е.С. Шугрина. Москва: Проспект, 2016. 320 с.
- [19] *Абашидзе А.Х.* Конституции государств о статусе международных договоров (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 5. С. 60–65.
- [20] *Аду Я.Н.* Значение международных органов как гаранта в области защиты прав человека // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 39–40.
- [21] *Копылов М.Н., Копылов С.М.* К вопросу о формировании каталога специальных принципов международного экологического права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 8–18.
- [22] *Травников А.И.* Значение принципов в международном воздушном праве // Закон и право. 2016. № 5. С. 133–135.
- [23] *Карташкин В.А.* Соотношение международного и внутригосударственного права и их взаимодействие // Современное право. 2015. № 10. С. 114–120.
- [24] *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А.* Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 1. С. 65–78.
- [25] *Иншакова А.О., Алисиевич Е.С.* Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии»: мнение научного сообщества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 4. С. 29–37.
- [26] *Кульков Е.Н.* Нацистские преступные организации сквозь призму Нюрнбергского приговора // Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. М., ИВИ РАН, 2007. С. 112–138.
- [27] *Бауринг Б.* Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии» (17 мая 2010 года): права ли Российская Федерация в своем понимании соотношения политики и международного права? // Международное правосудие. 2012. № 2 (3). С. 75–83.
- [28] *Какителашвили М.М.* Понятие фашизма в материалах Нюрнбергского процесса в контексте современных угроз мировому сообществу // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 5. С. 101–104.

THE NUREMBERG TRIALS AND THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

A.M. Nikolaev

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

In 1946, the Nuremberg trials established the legal end of the Second World War. Gross and massive violations of human rights in Europe were a powerful incentive to the establishment of effective guarantees for fundamental human rights at the regional level (the Council of Europe). International legal obligations of the Russian Federation in connection with its participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms require the state of execution of judgments of the European Court of Human Rights issued in respect of the Russian Federation. Human rights values forming the basis of the Constitution of the Russian Federation and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms do not come into conflict with each other in the force of constitutional provisions which cannot be opposed to each other. The implementation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms as an international treaty could not be accompanied by the discretion of the state in relation to the binding nature of judgments of the European Court of Human Rights. Attitude towards the legal positions of the European Court of Human Rights should be based on the principle of respect for the practice of intergovernmental bodies for the protection of the rights and freedoms of the individual. First, the state recognized the jurisdiction of the intergovernmental body on protection of the rights and freedoms of the individual, obliged to consider the practice of this body in the matter in respect of the state concerned. Second, a state may not plead impossibility of performance of decisions of the intergovernmental body for the protection of the rights and freedoms of the individual, issued upon review of individual complaints, or otherwise ignore the undertaken international obligations. At the same time, admitting the possibility of state interference in the exercise of those rights and freedoms, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms requires the state some discretion to regulate the rights and freedoms of the individual. Evolution of the European Court of Human Rights as an institution of international protection of the rights and freedoms of the individual should be based on the recognition by member States of the Council of Europe the principle of respect for the practice of the European Court of Human Rights.

Key words: the Nuremberg trials; the Charter of the International Military Tribunal; human rights; intergovernmental body on protection of the rights and freedoms of the individual; the Statute of the Council of Europe; the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; the European Court of Human Rights; execution of judgements of the European Court of Human Rights; the Constitutional Court of the Russian Federation; the principle of respect for the practice of the European Court of Human Rights

REFERENCES

- [1] Miagkov MYu. Vopros o nakazanii natsistskikh voennykh prestupnikov v diskussiyakh liderov antigitlerovskoi koalitsii. Nyurnbergskii protsess: uroki istorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 20–21 noyabrya 2006 g. Moscow: IVI RAN; 2007. P. 103–111. (In Russ.).
- [2] Zvyagintsev AG. *Glavnyi protsess chelovechestva. Nyurnberg: dokumenty, issledovaniya, vospominaniya.* Moscow: Olma Media Grupp; 2011. 656 p. (In Russ.).
- [3] Goldenson L. *Nyurnbergskie interv'yu.* Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. 672 p. (In Russ.).

- [4] Protopopov AS, Koz'menko VM, Elmanova NS. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki rossii (1648–2005)*. Protopopov as, editor. Moscow: Aspekt Press; 2008. 399 p. (In Russ.).
- [5] Blishchenko VI. Russia and the baltic states: the search for historical truth. *Scientific-analytical journal «обозреватель – observer»*. 2015;4(303):28-43 (In Russ.).
- [6] Owen J. *Nuremberg: evil on trial*. London: headline review; 2006. 376 p. (In English).
- [7] Lebedeva NS. Sssr i nyurnbergskii protsess. Nyurnbergskii protsess: uroki istorii. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moskva, 20–21 noyabrya 2006 g. Moscow: IVI RAN; 2007. P. 139–165. (In Russ.).
- [8] Poltorak AI. *Nyurnbergskii epilog*. Berkov AA, Ezhov VD, editors. Moscow: Yurid. Lit.; 1983. 416 p. (In Russ.).
- [9] Skuratova AYu. *Mezhdunarodnye prestupleniya: sovremennye problemy kvalifikatsii*. Moscow: NORMA; INFRA-M; 2012. 160 p. (In Russ.).
- [10] Lisitsyn-Svetlanov AG, Ledyakh I.A. Nyurnbergskii protsess i zashchita prav cheloveka. Nyurnbergskii protsess: uroki istorii. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moskva, 20–21 noyabrya 2006 g. Moscow: IVI RAN; 2007. P. 22–37 (In Russ.).
- [11] Koneva AE. Human rights treaty bodies: challenges and prospects. *Law and management. XXI century*. 2014;1(30):138-143 (In Russ.).
- [12] Mescheryakova OM. Sovereignty and integration community: theory and practice. *State and law*. 2014;8:59-64. (In Russ.).
- [13] Kartashkin VA. *Organizatsiya ob"edinennykh natsii i mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka v xxi veke*. Moscow: NORMA; INFRA-M; 2015. 176 p. (In Russ.).
- [14] Glotov SA. *Pravo evropeiskogo soyuza v redaksii lissabonskogo dogovora*. Bryansk: Bryanskoe srp vog; 2012. 592 p. (In Russ.).
- [15] Solntsev AM. Protection of environmental human rights in the context of the internationalization of constitutional law. *Bulletin of the kostroma state university named after N.A. Nekrasov*. 2016;22(4):196-199 (In Russ.).
- [16] Skuratov YUi, editor. *Konstitutsiya rossiiskoi federatsii. Doktrinal'nyi kommentarii (postateinyi)*. Moscow: Statut; 2013. 688 p. (In Russ.).
- [17] Abashidze AKh, Alisieich ES. 10 let uchastiya rossii v konventsii soveta evropy po pravam cheloveka: znachenie dlya rossiiskogo zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noi praktiki. *Zakony rossii: opyt, analiz, praktika*. 2008;12:6-14. (In Russ.).
- [18] Baryshnikov PS, Tsai KA, Shugrina ES, editors. *Rossiya i sovet evropy: istoriya, sovremennost' i perspektivy vzaimodeistviya pravovykh sistem: nauchno-prakticheskoe posobie*. Moscow: Prospekt; 2016. 320 p. (In Russ.).
- [19] Abashidze AKh. Constitutions of states on status of international treaties (comparative-legal analyse). *Bulletin of the peoples' friendship university of russia. Series: law*. 2012;5:60-65 (In Russ.).
- [20] Adu YN. Importance of international organs as guarantors in the field of human rights defense. *Eurasian law journal*. 2012;2(45):39-40. (In Russ.).
- [21] Kopylov MN, Kopylov SM. On the formation of the catalogue of the special principles of international environmental law. *Bulletin of volgograd state university. Series 5: law*. 2014;4:8-18. (In Russ.).
- [22] Travnikov AI. The significance of principles of international air law. *Law & legislation*. 2016;5:133-135. (In Russ.).
- [23] Kartashkin VA. Correlation and interaction between international and national law. *Modern law*. 2015;10:114-120. (In Russ.).
- [24] Abashidze AKh, Solntsev AM, Kiseleva EV, Koneva EA, Kruglov DA. Achievement of sustainable development goals (2016–2030): international legal dimension. *Bulletin of the peoples' friendship university of russia. Series: law*. 2016;1:65-78. (In Russ.).

-
- [25] Inshakova AO, Alisieich ES. The judgment of the grand chamber of the european court of human rights in the case "kononov v. Latvia": opinion of the scientific community. *Laws of russia: experience, analysis, practice*. 2011;4:29-37. (In Russ.).
- [26] Kulkov EN. Nazi criminal organization through the prism of the nuremberg verdict. *Nyurnbergskii protsess: uroki istorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moskva, 20-21 noyabrya 2006 g. Moscow: IVI RAN; 2007. P. 112–138. (in russ.).
- [27] Bowring B. The ecthr grand chamber in kononov v. Latvia (17 may 2010): is the russian federation correct in its understanding of the relationship between politics and international law? *International justice*. 2012;2(3):75-83. (In Russ.).
- [28] Kakitelashvili MM. The concept of fascism at the nuremberg trials in the context of modern threats to the world community. *Scientific notes of russian state social university*. 2011;5:101-104. (In Russ.).